
ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

EDN: GUJJFT

УДК 327(73+55)

Экзистенциальный антагонизм: противоречия в отношениях США и Ирана на современном этапе

Кочегуров Дмитрий Александрович¹, Гасанов Камран Низами оглы²

¹кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института Соединенных Штатов Америки и Канады им. академика Г. А. Арбатова, Российская академия наук. AuthorID: 1033347.

ORCID: 0000-0003-4955-033X. E-mail: d.kochegurov@iskran.ru

²кандидат политических наук, старший преподаватель, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы. ORCID: 0000-0002-9338-5856. E-mail: gasanov-kn@rudn.ru

Аннотация. В январе 2025 г. ВЭФ представил свой «Доклад о глобальных рисках», где одной из главных угроз был назван потенциальный вооруженный конфликт на Ближнем Востоке между США и Ираном. В феврале, вскоре после своей инаугурации, президент США Д. Трамп подписал указ о восстановлении политики максимального давления на Иран. Во время поездки на Ближний Восток в мае Д. Трамп назвал Иран самой «разрушительной силой» в регионе. Отношения еще более ухудшились после того, как иранские власти пригрозили атаковать базы США и их союзников на Ближнем Востоке, если США вмешаются в «Двенадцатидневную войну», после чего 22 июня США присоединились к конфликту, выступив на стороне Израиля и нанеся серию ракетно-бомбовых ударов по иранским объектам ядерной программы. Д. Трамп стал первым президентом США, который открыто присоединился к Израилю в нападении на противника. 28 февраля 2026 г. началась война США и Израиля с Ираном, также известная как операция «Эпическая ярость». В связи с этим авторы задаются вопросом: преодолели ли взаимный антагонизм двух государств? Пролитывая свет на историческую динамику непростых отношений, суть работы видим в том, чтобы проследить истоки и движущие факторы взаимного антагонизма США и Ирана. При анализе восприятия Ирана через призму стратегических документов, актов учитывается наличие антииранского консенсуса в США на уровне законодательной власти и Белого дома. Выявлены причины отсутствия сильного проиранского лобби.

Ключевые слова: антагонизм, Ближний Восток, Д. Трамп, Иран, США.

Введение. Фундаментальные основы антагонизма. Цель работы состоит в исследовании американо-иранского антагонизма, прежде всего его причин и препятствий на пути к преодолению. Стержневым для статьи стал принцип историзма с рассмотрением отношений двух стран в исторической динамике и другие методы, например дискурс-анализ и метод индукции, позволяющий двигаться от конкретных действий к антагонизму. Эмпирической базой исследования стали материалы Белого дома и Конгресса, зарубежная литература и статьи «мозговых центров», материалы СМИ, где отражены позиции государственных лиц, и экспертные оценки.

Согласно К. Шмитту, в антагонизме воплощается сущность политического процесса. Именно он ввел в науку разграничение категорий «друг – враг», прояснив, что изначальный смысл дихотомии кроется в сохранении политического единства, самоидентификации [42], о чем также писал М. Хайдеггер [21]. Э. Лакло и Ш. Муфф исследовали антагонизм через призму классовой борьбы [26]. Так, оппозиция «мы – они» маскируется в дискурсе, облекаясь в моральные категории «добра» и «зла», за чем скрывается не только отказ от признания «врага» равным себе по статусу, но и самоопределение. Ш. Муфф использовала термин «конститутивного внешнего» с выстраиванием отношений по оси «мы – они», что не обязательно является антагонизмом, но может стать таковым и перерасти в открытую вражду, если чужая идентичность («они») ставит под сомнение «нашу» идентичность и угрожает ее существованию. Следуя данной концептуальной схеме, политика, основанная на взаимоисключении, проявляется в антагонизме при отсутствии условий для примирения, и в этом плане антагонизм наиболее опасный вид соперничества.

Для США и Ирана характерна идеологическая основа антагонизма, что делает их вражду достаточно острой и подрывает любые усилия по переговорам и сближению. США определили Иран своим врагом и с тех пор прибегли ко всем средствам антагонизма, кроме войны. Показательным является дискурс Р. Рейгана об «империи зла», или «крестовый поход» Дж. Буша-мл. против «оси зла». Иранский антагонизм к США носит столь же острый характер. Благодаря разграничениям «мы – они», «добро – зло» Иран нейтрализует внешнюю угрозу единству нации и создает видимость внутреннего консенсуса, побуждая население идентифицировать себя с новым режимом. Выстраивая свою идентичность и легитимность на антиамериканизме, иранский режим демонизировал США, применив к ним эпитет «Большой Сатана». После победы Д. Трампа на выборах в ноябре 2024 г. в руководстве КСИР заявили, что «фронт зла не различается в своей злобности» [1], что можно трактовать как сигнал Вашингтону об отсутствии надежд на примирение и как попытку консолидировать самих иранцев в не самое спокойное время.

Сложной истории американо-иранского соперничества уделено достаточно внимания. Так, в главе «Интерпретация непримиримого врага» книги Дж. Тирмана и А. Малеки ("U.S.-Iran Misperceptions") названы три причины антагонизма США к Ирану: восприятие иранского режима как идеологически мотивированной, репрессивной теократии, построенной на антиамериканизме и непримиримости к США; агрессивное поведение Ирана; иранская ядерная программа [49, с. 57–88]. При этом бытует мнение, что Иран не заинтересован в дипломатии и в сделке с США. Такая точка зрения неумолимо приводит к выводу, что единственный способ преодоления антагонизма – смена режима в Тегеране.

Одно из распространенных утверждений, выдвигаемых иранистами, заключается в том, что США сами не раз упускали возможности нормализовать отношения с Ираном. Так, автор книги «Америка и Иран» Дж. Газвинян в большей степени пытается возложить вину на Белый дом и израильское лобби [20]. О влиянии последнего на образ Ирана написано в работах Дж. Миршаймера и С. Уолта «Израильское лобби и внешняя политика США» [31], «Цель Тегеран» И. Эвьятара и Й. Боба [12] и др. Действительно, случалось так, что Белый дом пропускал или игнорировал примирительные сигналы, продолжая оказывать давление на Тегеран. Любое потепление вызывало тревогу среди конгрессменов-ястребов и израильского лобби. Даже когда напряженность ослабевала, Конгресс блокировал шаги, которые могли бы привести к менее конфронтационным отношениям. «Поездка в Тегеран» Ф. Леверетт и Х. Леверетт – попытка взглянуть на проблему с иранской стороны – содержит манифест о провале политики давления на Иран с призывом к дипломатии [29], что нашло отклик среди таких известных политологов и журналистов, как Э. Басевич, А. Ливен, С. Херш.

Согласно другой точке зрения, иранский режим первым демонизировал врага и эксплуатировал в своих интересах антиамериканские настроения, поскольку конфронтация с США и сопротивление западной гегемонии обеспечивает ему легитимность, о чем написано в книге А. Аманата «Иран: Современная история» [4]. В «Битве аятолл» А. Ватанка рассматривает отношения через призму внутренней фракционной борьбы в постреволюционном Иране [50]. Первопричина антагонизма, на наш взгляд, кроется не столько во взаимных промахах, сколько в фундаментальном расхождении двух идеологий, что проиллюстрировано в книге М. Бирна и К. Бирна «Миры врозь» [14]. С опорой на рассекреченные документы США ее авторы склоняются к мнению, что ожесточенный спор двух государств был вызван сочетанием противоречивых идеологических взглядов, несовместимых политических целей и стойкого чувства жертвы. В книге У. Бимана «Большой Сатана против Безумных Мулл» говорится о том, как политические лидеры использовали исторические аналогии, религиозные ассоциации и мифологию «зла», чтобы настроить своих граждан друг против друга [11]. «Переговоры с Ираном» Дж. Лимберта – вызов, адресованный как американцам, так и иранцам, с призывом положить конец десятилетиям враждебного «мифотворчества» [30].

Еще одной попыткой изучения темы с конструктивистских позиций стала работа «Республики Мифа: национальные нарративы и конфликт между США и Ираном». Ее авторы Х. Банай, М. Бирн и Дж. Тирман, при помощи нарративного анализа и дискурс-анализа, исследуют истоки вражды между Вашингтоном и Тегераном и объективные препятствия, стоящие на пути к нормализации отношений [9]. По их убеждению, в основе антагонизма лежат так называемые «национальные нарративы», которые имеют некую реальную историческую основу, но вместе с тем вводят в заблуждение политиков. В то время как США руководствуются старым «мифом о границе» и воспринимают Иран как террористическую угрозу, которую

нужно нейтрализовать, Иран рассматривает США как империалистическую державу, стремящуюся его покорить, и, опираясь на собственные традиции, считает себя борцом с внешними угнетателями [27]. Два противоположных нарратива не всегда преобладают, когда у государств есть веские причины для сближения, но они ограничивают масштаб и характер сотрудничества. Недопонимание и отсутствие уважения – одно из главных препятствий на пути улучшения отношений. Взаимная одержимость, достигшая апогея при Д. Трампе, привела к тому, что авторы назвали «нарративной ловушкой». Тот факт, что за успешными переговорами по Совместному всеобъемлющему плану действий по урегулированию ситуации вокруг иранской ядерной программы (далее – СВПД) почти сразу последовал выход США из соглашения и усиление санкций, подтверждает то, насколько глубоко укоренилась модель враждебности и недоверия. Все вышеизложенное в совокупности поддерживает антагонизм США и Ирана и препятствует его преодолению.

От сближения к антагонизму. Обращение к историческому прошлому позволяет выявить причинно-следственную связь событий, повлиявших на антагонистическую траекторию развития отношений двух стран [19]. Участие США в разрешении Иранского кризиса 1946 г. привело к сближению Вашингтона и Тегерана. Когда в 1951 г. премьер-министр Ирана М. Мосаддык решил провести национализацию нефтяной промышленности, спецслужбы Великобритании и США осуществили в 1953 г. «контрпереворот» (операция «Аякс»), повлекший свержение правительства Национального фронта Ирана, усиление власти шаха и установление в Иране прозападного режима. Несмотря на причастность шаха, положительный имидж американцев был подорван, простые иранцы были возмущены вмешательством США, что сформировало негативный образ Америки и обеспечило почву для антиамериканских настроений в Иране.

Иранский шах М. Пехлеви проводил проамериканскую внешнюю политику, взяв курс на «позитивный национализм», предполагающий борьбу с коммунизмом и арабским радикализмом. Шах столкнулся с внутренней оппозицией и враждебностью со стороны ряда стран, считавших его агентом западного империализма [6, с. 442]. В декабре 1954 г. М. Пехлеви заявил, что у Ирана много общего с западным миром, что западный образ жизни соответствует системе исламских ценностей и что «вестернизация – наш идеал» [6, с. 445].

Ориентация на Запад принесла Ирану определенные выгоды и возможности, главной из которых была перспектива играть роль моста и посредника между западным и восточным мирами [1, с. 216]. Значение Ирана возросло при президенте Р. Никсоне. Стратегия «двух столпов» отводила Ирану и КСА лидирующую роль в обеспечении порядка в регионе и рассматривалась как эффективный способ избежать военных операций [15, с. 9]. В «доктрине Никсона» 1969 г., представленной шаху в 1972 г. во время визита президента США в Тегеран, говорилось о том, что оборона союзников должна быть заботой самих союзников, а также о разделении военно-политического и финансово-экономического взаимодействия.

Параллельно внутри Ирана был осуществлен комплекс реформ известных как «Белая революция» [3, с. 126]. Несмотря на определенные успехи, стремление М. Пехлеви превратить Иран в ведущую региональную державу оказалось чересчур амбициозным. Положение не соответствовало тому, о чем говорилось в книге М. Пехлеви «К великой цивилизации» 1978 г., выход которой совпал с началом революционных выступлений. События 1979 г. превратили Иран из «надежного островка стабильности в одном из наиболее беспокойных регионов мира» в одну из главных угроз США. Нежелание американцев вернуть бежавшего из Ирана шаха вызвало всеобщее возмущение, неприятные аналогии с операцией «Аякс» и привело к захвату заложников в посольстве США.

К 1980 г., когда администрация президента Дж. Картера разорвала дипотношения с Ираном, взаимный антагонизм преодолел точку невозврата [46, с. 7]. Для Вашингтона кризис с заложниками стал «определяющим моментом», который вызвал «постоянную антипатию к Ирану» [36, с. 172, 206]. Враждебный настрой американцев к Ирану до сих пор препятствует попыткам сближения [7, с. 266]. В свою очередь радикальные исламисты в Иране использовали антиамериканизм для консолидации своего режима, уступая в борьбе нарративов левым и националистам. Реакцией на иранскую революцию стала «доктрина Картера» 1980 г. США поддержали Багдад в ирано-иракской войне, что усилило антагонизм со стороны иранцев. В сентябре 1984 г. в отношении Ирана было введено эмбарго, а в октябре 1987 г. был ограничен иранский импорт в США. Редкий пример сотрудничества – дело «Иран-контрас», когда в 1985 г. согласно плану куратора ЦРУ по Ближнему Востоку и Азии Г. Фуллера было принято решение о тайной продаже оружия Ирану и финансировании никарагуанских повстанцев-контрас.

Отношения США и Ирана в постбиполярную эпоху. Президент Дж. Г. Буш продолжил курс Р. Рейгана. С окончанием холодной войны единственной угрозой интересам США на Ближнем Востоке оставался Иран, противовесом которому служил Ирак. Однако лидер Ирака С. Хуссейн заинтересовался кувейтской нефтью и поднял вопрос о легитимности ирако-кувейтской границы. Аннексия Кувейта привела к успешной для США войне в Персидском заливе. Свою выгоду извлек и Иран, так как война ослабила иракскую армию и С. Хуссейн эвакуировал войска с оккупированной иранской территории.

Ближневосточная политика президента У. Клинтона опиралась на доктрину «двойного сдерживания» Ирана и Ирака, за которыми в 1994 г. с подачи советника по национальной безопасности Э. Лейка закрепился термин «государства-изгои». В апреле 1995 г. У. Клинтон объявил Иран чрезвычайной и необыкновенной угрозой США и о намерении остановить всю торговлю и инвестиции в Иран. Была издана серия указов № 12957; № 12959; № 13059. В марте 1995 г. У. Клинтон заблокировал крупнейшую с 1979 г. сделку Сопосо с иранской компанией о разведке двух нефтяных месторождений у побережья Ирана. Иранская атака на Аль-Хобар (КСА) побудила Конгресс усилить меры в отношении Ирана и перенести базу ВВС в Катар. В августе 1996 г. У. Клинтон подписал «Закон о санкциях в отношении Ирана».

В те годы на посту президента Ирана находился прагматик А. Рафсанджани, который предпочел сконцентрироваться на послевоенном восстановлении, ослабил социальный контроль внутри страны и приступил к укреплению международных позиций Ирана [16, с. 70]. Неспособность свергнуть светские режимы в соседних странах и высокая цена войны с Ираком заставили правящую фундаменталистскую верхушку приостановить агрессивную политику и сосредоточиться на экономике [24, с. 114]. В 1997 г. к власти пришел реформатор М. Хатами, чьи жесты доброй воли, заявления о «диалоге цивилизаций» и «сломе стены недоверия» могли бы восприниматься в Вашингтоне как шанс наладить отношения.

Однако при президенте Дж. Буше-мл. произошел кардинальный пересмотр американской внешнеполитической стратегии в пользу наступательной неоконсервативной политики смены режимов и государственного строительства. Ряд документов 2002 г. составили «доктрину Буша», следуя которой США вторглись в Афганистан и Ирак. К Ирану был применен термин «ось зла», используемый для описания режимов, спонсирующих терроризм и разрабатывающих ОМУ.

Включение Ирана в «ось зла» положило конец надеждам на мир. Все, кто выступал за разрядку и сближение с США, оказались обманутыми. Пресса выражала удивление: почему позитивная повестка М. Хатами не была должным образом оценена в США? [18, с. 244]. Все это привело к тому, что программа реформистов была подорвана, рецепты оборонительного реализма умеренного лагеря утратили поддержку элиты, внешнеполитический истеблишмент принял за основу наступательный реализм, тем самым проложив путь к секьюритизации и милитаризации внешней политики. В 2005 г. М. Хатами сменил радикал М. Ахмадинежад, призвавший к джихаду против Америки и Израиля и вступивший в новый конфликт с США при полной поддержке аятоллы А. Хаменеи.

Ближневосточная политика администрации президента Б. Обамы, несмотря на амбициозные планы, изложенные им 4 июня 2009 г. в «каирской речи», запомнилась открытым неприятием со стороны монархий Персидского залива и Израиля; провалом в Сирии; интервенцией в Ливию; «арабской весной»; подъемом ИГИЛ; неспособностью заручиться двухпартийной поддержкой при заключении СВПД и отсутствием прогресса в решении палестинско-израильского вопроса [45, с. 2].

Особняком стоит ядерная сделка с Ираном 2015 г. (СВПД), ставшая исключением из череды попыток смены режима в Тегеране [28]. К концу правления М. Ахмадинежада, когда санкции были самыми тяжелыми, а страна находилась под огромным давлением, А. Хаменеи одобрил секретные переговоры с США в 2011 г. [10, с. 86] Движущим фактором успеха стало избрание Х. Роухани и знаменательный телефонный разговор с Б. Обамой. Подобно тому как радикальные исламисты использовали антиамериканизм для консолидации своих позиций, коалиция прагматиков и реформистов надеялась извлечь выгоду из проамериканских настроений.

Унаследовав от Б. Обамы проблемный регион, администрация президента Д. Трампа вернулась к политике «офшорного балансирования» 1945–1992 гг. В отношении Ирана Д. Трамп развернул кампанию «максимального давления». Указ Д. Трампа, запрещающий гражданам семи стран с мусульманским населением, включая Иран, въезд в США на 90 дней, Тегеран назвал «явным оскорблением исламского мира».

В мае 2018 г. Д. Трамп вышел из СВПД и усилил санкции против Ирана, что ослабило позиции реформаторов в Иране и позволило сторонникам жесткой линии перехватить инициативу. В Тегеране сочли санкции не иначе как «антагонистическим шагом», частью «психологической войны» США и заявили о сокращении обязательств в рамках СВПД. В апреле 2019 г. Белый дом пошел на беспрецедентный шаг, признав КСИР «террористической организацией». В ответ Тегеран объявил США государством – спонсором терроризма. В мае постпред Ирана в ООН заявил в статье в «Вашингтон Пост» (Washington Post), что политика США в отношении Ирана движима навязчивым антагонизмом и что переговоры не могут быть продуктивными, если они сочетаются с запугиванием, принуждением и санкциями [38].

Напряженность переросла в кризис после того, как в январе 2020 г. в результате удара ВВС США погиб генерал и командующий спецподразделением Аль-Кудс в составе КСИР К. Сулеймани. Ракетный удар по его автоколонне был нанесен по приказу Д. Трампа. Взаимный антагонизм достиг своего апогея. Приход в 2021 г. к власти в Иране И. Раиси привел к сплочению элит и общественности в условиях внешнего давления [8].

Президент Дж. Байден поначалу постарался «сгладить углы» во взаимоотношениях с Тегераном и предпринял дипломатические усилия по возвращению США к СВПД [10, с. 131]. Примечательна программная статья 2019 г. У. Бернса и Дж. Салливана в «Нью-Йорк таймс» (The New York Times) [13]. Даже когда Китай способствовал сближению КСА и Ирана в марте 2023 г., в Белом доме приветствовали это, рассматривая как позитивный шаг, ведущий к региональной дестализации. Госсекретарь Э. Блинкен пытался возобновить переговоры с Ираном. Ходили слухи о секретном канале в Омане, но эти усилия не привели к какому-либо прогрессу.

На фоне событий 7 октября 2023 г. заговорили о новой «оси» (The Axis of Upheaval), чьи участники используют ситуацию, чтобы укрепить свои позиции и выставить Вашингтон дестабилизирующей силой [25]. Как полагают в США, несмотря на секретные переговоры, на протяжении всего 2023 г. Иран неоднократно шел на военные провокации [23]. После ракетного обстрела Израиля вице-президент К. Харрис назвала Иран «дестабилизирующей, опасной силой» и «величайшим противником» США. К началу 2024 г. администрация Дж. Байдена начала обсуждать возвращение к старому санкционному режиму против Ирана. В феврале спикер Палаты представителей М. Джонсон описал политику Дж. Байдена как катастрофическую и призвал «продемонстрировать силу» Ирану.

С переизбранием Д. Трампа Белый дом вернулся к кампании «максимального давления» на Иран, что было формализовано 4 февраля в меморандуме о национальной безопасности (NSPM) [17], а также в NSPM-2 [32]. На следующий день, 5 февраля, Д. Трамп заявил, что предпочел бы дипломатию, намекнув и на силовой метод решения иранской проблемы. 6 февраля были введены первые санкции, нацеленные на нефтяной сектор Ирана. В ответ А. Хаменеи 7 февраля заявил, что с такой американской администрацией «не должно быть никаких переговоров». 7 марта Д. Трамп объявил, что направил письмо А. Хаменеи, призывая возобновить переговоры по СВПД. Как объяснил спецпосланник США на Ближнем Востоке С. Уиткофф, Д. Трамп пытается «выстроить доверие» с Ираном, чтобы избежать вооруженного конфликта. Однако содержание послания Д. Трампа было «жестким» и ультимативным [39]. Спустя время Д. Трамп пригрозил Ирану «бомбардировками, подобных которым они прежде не видели».

Иран в доктринальных документах США. В декабре 2025 г. администрация Д. Трампа обнародовала новую Стратегию национальной безопасности (далее – СНБ) [34]. Иран признаётся главной дестабилизирующей силой в регионе.

Для понимания того, насколько стабильны антииранские нарративы американских властей, можно обратиться к более ранним СНБ Белого дома. Так, в СНБ-1987 применительно к Ирану впервые был использован термин «государство – спонсор терроризма» по отношению к странам, использующим террор в качестве инструмента политики и несущим угрозу интересам США, а также безопасности Израиля и умеренных арабских режимов. В СНБ-1988 добавлено, что агрессивный радикальный режим в Иране продолжает угрожать дружественным США странам посредством терроризма и подрывной деятельности.

СНБ У. Клинтона отличались более сдержанной риторикой в адрес Ирана. В СНБ-1994 упомянуто о готовности США вступить в диалог с Ираном с целью повлиять на его поведение. В СНБ-1998 говорилось о признаках изменений в иранской политике и о том, что США готовы разработать «дорожную карту», ведущую к нормальным отношениям. Тем не менее следует учесть, что У. Клинтона больше интересовали вопросы экономической глобализации, нежели международной безопасности; авторы клинтоновских СНБ, уверовав в идею победы модели либеральной

демократии, надеялись повлиять на Иран посредством «разговорной терапии»; их публикация частично совпала с приходом к власти в Иране реформистов; и наконец, любым намекам на диалог и возможное потепление отношений сопутствовали противоположные тезисы об усилении давления на Иран так, чтобы он изменил свой курс на поддержку терроризма и приобретение ОМУ. Круг замкнулся, вернувшись к исходной точке 1979 г. с публикацией СНБ-2002.

Переходим к дню сегодняшнему: в октябре 2017 г. Д. Трамп обнародовал свою стратегию противодействия Ирану – важнейший документ, который содержал в себе основные элементы политики в отношении правящего в Иране «режима-изгоя» [37]. Речь шла о следующих пунктах: нейтрализация дестабилизирующего влияния Ирана и сдерживание его агрессии; активизация альянсов и партнерств и восстановление более устойчивого баланса сил; лишение иранского режима возможностей финансирования; противостояние угрозам со стороны баллистических ракет и других асимметричных видов оружия; мобилизация усилий международного сообщества; перекрытие Ирану доступа к ядерному оружию.

Как пояснил Д. Трамп, его политика основана на четкой оценке иранской диктатуры, финансирования ею терроризма и продолжающейся агрессии на Ближнем Востоке. Выступая в Белом доме, Д. Трамп заявил, что Иран находится под контролем фанатичного, радикального режима, вспомнил кризис с заложниками и другие случаи поддержки Ираном актов агрессии против США и их союзников [40].

Надо отметить, что в любом из доктринальных документов США угрозе, исходящей от Ирана, уделяется пристальное внимание. Если вспомнить СНБ-2017, то Иран, объявленный ведущим государством – спонсором терроризма, фигурировал в числе трех основных угроз США наряду с «ревизионистскими державами» и транснациональными акторами [33]. Как утверждалось, иранская диктатура дестабилизирует регион, угрожает американцам и их союзникам, а также грубо и жестоко обращается со своим народом. В разделе, посвященном Ближнему Востоку, иранский экспансионизм поставлен на первое место в числе локальных проблем.

В СНБ-2022, на фоне роста внимания к угрозам со стороны Китая и России, роль Ирана снизилась. Также в иерархии региональных приоритетов опустился на 4-е место и Ближний Восток, уступив Западному полушарию. Иран был назван в числе автократических держав, действующих агрессивно и дестабилизирующим образом. Якобы Иран вмешивается во внутренние дела соседей, распространяет ракеты и беспилотники, замышляет причинить вред американцам и продвигает ядерную программу сверх всякой реальной гражданской необходимости [35].

В Стратегии национальной обороны (далее – СНО) 2018 г. Иран указан в перечне пяти главных угроз национальной безопасности наряду с Китаем, Россией, КНДР и террористическими группировками. В СНО-2022 Иран был поставлен в один ряд с КНДР и «экстремистскими организациями». В двух версиях документа «Объединенная региональная стратегия: Ближний Восток и Северная Африка» 2018 г. и 2022 г. Иран рассматривался под тем же ракурсом. В сущности, были подтверждены обозначенные выше позиции США в отношении Ирана.

Если обратиться к двум мартовским документам второй администрации Д. Трампа, несмотря на приоритетное внимание к Китаю, в докладе нацразведки США об имеющихся угрозах Иран занял 3-е место, как и в документе «Временное стратегическое руководство по национальной обороне».

Можно прийти к промежуточному выводу: политика Ирана – это перманентная угроза США и проамериканскому балансу сил в регионе. Угроза союзникам США (в первую очередь Израилю), поддержка группировок, признанных в США террористическими, разработка ОМУ – все это противоречит традиционным интересам США. Многие СНБ сопровождаются откровенно воинственной риторикой в адрес Ирана.

Антииранский Вашингтонский консенсус. Большинство членов администрации Д. Трампа демонстрируют явный антагонизм к Ирану: госсекретарь М. Рубио, постпред США при ООН и бывший советник по национальной безопасности М. Уолтц, директор ЦРУ Дж. Рэтклифф и др. Аналогичную позицию занимают и главы ключевых профильных комитетов в Конгрессе, на чьих взглядах следует подробнее остановиться.

Сменивший сенатора от Род-Айленда Дж. Риду на посту председателя Комитета Сената США по вооруженным силам сенатор от Миссисипи Р. Уикер – один из самых произраильски настроенных политиков. Р. Уикер выступал против СВПД, а после терактов 7 октября заявил, что США должны наказать иранский режим. Спустя год Р. Уикер заявил, что ХАМАС и его иранские спонсоры намерены уничтожить еврейское государство и потому США должны гарантировать, что эти террористические режимы будут отправлены на «свалку истории».

Председатель Комитета Сената США по международным отношениям, сенатор от Айдахо Дж. Риш в январе 2025 г. заявил, что при нем США возобновят кампанию «максимального давления» на Иран в интересах национальной безопасности. Когда в августе 2023 г. Вашингтон и Тегеран договорились об освобождении пяти американских заложников в обмен на доступ Ирана к \$6 млрд, замороженным в банках Южной Кореи, Дж. Риш заявил, что это лишь приведет к захвату новых заложников. Ему вторил сенатор-республиканец от Арканзаса Т. Коттон, который назвал сделку «выкупом» и «малодушным актом умиротворения» и заявил, что Иран «использует эти нечестно полученные прибыли, чтобы атаковать американские войска и финансировать терроризм».

Бывший глава Комитета, сенатор от Нью-Джерси Р. Менендес прославился как ярый туркофоб, но и он также неоднократно предостерегал Сенат о влиянии других «злонамеренных игроков», в том числе Ирана. Р. Менендес – один из немногих сенаторов-демократов и второй после сенатора Ч. Шумера, кто выступил против СВПД и подготовил законопроект «Об оценке ядерного соглашения с Ираном 2015 года» вместе с сенаторами-республиканцами Л. Грэмом и Б. Коркером. В начале 2022 г. Р. Менендес выразил обеспокоенность насчет переговоров с Ираном и призвал к давлению на Тегеран, заявив, что «мы не можем игнорировать гнусную поддержку терроризма со стороны Ирана».

О поддержке Ираном терроризма не раз заявлял нынешний глава Подкомитета по делам Ближнего Востока, Южной и Центральной Азии, сенатор-республиканец от Пенсильвании Д. Маккормик. Д. Маккормик – ярый сторонник Израиля и Авраамовых соглашений, жесткий критик политики Дж. Байдена, которая, по его словам, способствовала развитию террористической сети Ирана. Д. Маккормик часто критиковал Дж. Байдена за «слабость» перед лицом иранской агрессии, чье сдерживание станет задачей его подкомитета. Во время предвыборной кампании в сентябре 2024 г. Д. Маккормик называл Иран «нашим заклятым врагом» и «андеррайтером террора на Ближнем Востоке». Своего оппонента сенатора-демократа Б. Кейси он раскритиковал за поддержку СПВД как «первородного греха» Б. Обамы. Д. Маккормик сказал, что опыт посещения Израиля после атаки ХАМАС заставляет его выступить с «моральной ясностью» на счет террористической группировки и ее спонсора, являющего собой «чистое зло».

На фоне Д. Маккормика бывший глава подкомитета, сенатор-демократ от Коннектикута К. Мерфи придерживается более сдержанного подхода. В марте 2022 г. К. Мерфи предупредил о «катастрофе» из-за выхода из СВПД и заявил, что политика Д. Трампа в отношении Ирана обернулась полным провалом. Любопытно, что предшественник К. Мерфи на посту сенатора Дж. Либерман – один из самых влиятельных деятелей в Вашингтоне по вопросам, касающимся Ирана. В июне 2008 г. Дж. Либерман назвал Иран фанатичным, террористическим, экспансионистским государством, чей лидер и руководство угрожают уничтожить Израиль.

Председатель Комитета Сената США по разведке Т. Коттон – протеже известного неоконсерватора Б. Кристола – крайне враждебно относится к Ирану. В мае 2013 г. Т. Коттон предложил поправку к закону "Nuclear Iran Prevention Act of 2013" о наказании до 20 лет тюрьмы для людей (и их родственников), нарушающих санкции против Ирана. В июле 2015 г. Т. Коттон высказался о том, что Дж. Керри «действовал как Понтий Пилат» в ходе переговоров по СВПД. В июне 2019 г. Т. Коттон заявил, что неспровоцированные нападения на торговые суда в Оманском заливе требуют ответного военного удара по Ирану. В январе 2020 г. в статье в New York Times Т. Коттон написал, что США добились справедливости в отношении К. Сулеймани, вдохновителя террора, чье убийство было оправданным, законным и стратегически обоснованным. Через 10 дней Т. Коттон призвал генпрокурора У. Барра расследовать потенциальные нарушения представителями иранского лобби Закона о регистрации иностранных агентов (FARA).

Несмотря на партийную поляризацию в Конгрессе, любое голосование о санкциях против Ирана получает почти всеобщую поддержку [22]. 2 августа 2013 г. после инаугурации Х. Роухани 76 сенаторов в письме призвали Б. Обаму к более жестким санкциям. 1 декабря 2016 г. Сенат единогласно (99:0) проголосовал за продление санкций в отношении Ирана на десять лет вопреки позиции администрации Б. Обамы после того, как законопроект "H.R. 6297" одобрила Палата представителей (419:1). В июне 2017 г. Сенат почти единогласно (98:2) принял "S.722 – Countering Iran's Destabilizing Activities Act". В ноябре 2023 г. на фоне событий 7 октября Палата представителей большинством голосов (307:119) приняла закон "H.R.5961 – No Funds for Iranian Terrorism Act". 24 апреля 2024 г. Сенат большинством (79:18) принял всеобъемлющий законопроект "H.R. 815", включающий в себя шесть актов, направленных против Ирана [5]. Инициативы успешно прошли через Палату представителей, например, "H.R.5923 – Iran-China Energy Sanc-

tions Act" (383:11). Напротив, в отношении резолюции, которая ограничивала бы полномочия Д. Трампа на ведение военных действий с Ираном, в начале 2020 г. консенсуса не наблюдалось ни в Сенате (55:45), ни в Палате представителей (224:194).

Проблемы иранского лобби в США. Начать стоит с важности лоббистских организаций для прочных двусторонних отношений и с того, что в США внешняя политика определяется внутренней. Большая часть активности иранского лобби исходит со стороны сочувствующих «режиму аятолл» представителей диаспоры, американских левых, выступающих за не вмешательство, а также бизнеса, заинтересованного в доступе к иранскому рынку углеводородов [43]. Именно с интересами бизнеса эксперты связывают формирование иранского лобби в начале 1990-х гг., когда ряд крупных компаний создал лоббистскую группу USA Engage.

Численность иранской диаспоры в США по разным оценкам около 1 млн. Общей чертой для большинства светских и высокообразованных иранских иммигрантов является то, что до переезда в США они столкнулись с различными формами угнетения у себя на родине, например журналист Н. Мортазави, которая считает себя «изгнанной» из страны, в которой родилась, и с тех пор подвергается преследованиям со стороны иранских властей.

Самая заметная среди иранских лоббистских групп – «Национальный ирано-американский совет» (National Iranian American Council, NIAC), основанный в 2002 г. NIAC имеет тесные связи со многими леволиберальными организациями, такими как J Street. По слухам, за деятельностью NIAC стоит иранская семья Намази, чей глава, Б. Намази, при шахе был губернатором богатой нефтью иранской провинции Хузестан. В 1999 г. его сын Сиамак и будущий основатель NIAC Т. Парси представили знаковый документ «Ирано-американцы: мост между двумя странами», содержащий «дорожную карту» улучшения отношений.

NIAC часто подвергается критике за то, что преуменьшает масштаб угрозы иранского режима, обвиняя в большинстве проблем региона США. Организация выступает за снятие санкций с Ирана и сокращение присутствия США в регионе. Такой подход нашел поддержку со стороны левого крыла Демократической партии, например сенаторов Б. Сандерса от Вермонта, Э. Уоррен от Массачусетса, конгрессменов Р. Тлаиб от Мичигана, И. Омар от Миннесоты. При этом у NIAC достаточно противников. Например, «Иранские американцы за свободу» (близкие к иранским монархистам и Республиканской партии) считают NIAC «апологетами» и рупорами Тегерана.

Однако наличие организаций, нацеленных на нормализацию американо-иранских отношений, не позволяет, тем не менее, рассчитывать на подобный сценарий. Выделяются четыре фактора, подрывающих позиции иранского лобби, и особенно NIAC [41]. 1. До конца не ясно: что именно полезного для диаспоры лоббирует NIAC? 2. Т. Парси настроил против себя большинство политиков своей риторикой, выходящей далеко за рамки мейнстрима, раскручивая сомнительные теории заговора. 3. NIAC не представляет интересы иранского сообщества в США. Верность NIAC теократии, сохраняя враждебный настрой к монархистам и конституционным республиканцам, отторгает простых иранцев. 4. Многие потенциальные доноры боятся жертвовать NIAC из-за проблем с анонимностью, конфиденциальностью и финансовой прозрачностью. Бюджет NIAC зачастую меньше \$1 млн. Между тем бюджет крупнейшей израильской лоббистской структуры, AIPAC, составляет около \$100 млн.

Подъем иранского лобби в Вашингтоне при этом оставался почти без внимания Белого дома, который предпочел сохранить видимость его отсутствия [47]. NIAC заявил о себе, но только потому, что администрация Б. Обамы ясно дала понять о своем желании «наводить мосты» с Ираном и нуждалась в посреднике. Подрывала его позиции и негативная риторика в адрес Израиля и AIPAC. На фоне последних проиранское лобби парализовано санкциями, и ему нечего предложить своим сторонникам. NIAC не имеет широкой общественной поддержки. Многие американцы иранского происхождения остаются противниками режима в Тегеране и видят в NIAC его «агента влияния».

М. Штерн и Н. Мохеббиз «Национального союза за демократию в Иране» (NUFDI) обсуждали «мягкую силу» и влияние Ирана в США посредством СМИ, академических кругов и аналитических центров [48]. Тегеран якобы эффективно использовал политические разногласия в США в своих интересах благодаря NIAC, привлекая крайние изоляционистские группы, разделяющие схожие с ним позиции. И все же усиление взаимной вражды сделало поддержку режима NIAC «непригодной» и маргинализировало группу. Эксперты считают, что американские иранцы поддерживают кампанию «максимального давления», хотя этого сдерживающего фактора «недостаточно» самого по себе «для противостояния режиму».

Иранское лобби работает по трем направлениям: изображение иранского режима исключительно в позитивном свете; внедрение проиранских тезисов в публичный дискурс, сужение окна Овертона таким образом, чтобы требования изменений в Иране рассматривались как выходящие за рамки приличия; борьба с диссидентами при отсутствии содержательной критики иранского режима. К. Шахруз из Института Макдональда – Лорье изучил проблемы иранского лобби в США [44]. С его точки зрения, сеть иранских лоббистов подвержена внешним манипуляциям и не является лобби в традиционном смысле, поскольку считает своей задачей нормализацию отношений с Тегераном путем несоизмеримых уступок со стороны США. Представленный ими нарратив предполагает, что КСИР не угрожает США, а права человека являются большей проблемой для США, чем для Ирана. С их точки зрения, заключая соглашение с Тегераном, Запад не должен требовать от него сворачивания своей активности в регионе. Все это свидетельствует о явной предвзятости и не идет на пользу иранскому лобби.

Заключение. Напрашивается главный вывод: антагонизм в американо-иранских отношениях непреодолим. Взаимное неприятие обусловлено укоренившимися интересами и старыми нарративами. Во многих доктринальных документах Белого дома Иран фигурирует в роли прямой угрозы национальной безопасности. Администрация Д. Трампа занимает конфронтационную позицию по отношению к Ирану, как и председатели ключевых профильных комитетов в Конгрессе, где наблюдается стойкий антииранский консенсус и широкая двухпартийная поддержка санкций.

В свою очередь, иранский антагонизм к США резонирует среди их внутренней аудитории и способствует сплочению вокруг национального лидера, что, следовательно, сулит политические выгоды правящей верхушке. Идентичность и легитимность теократического режима во многом держится на антагонизме по отношению к США, из чего следует, что Иран не может иметь подлинного интереса к улучшению отношений. Проблема иранского лобби в США, которое могло бы способствовать примирению, заключается в том, что наиболее заметная его структура, NIAC, не имеет широкой общественной базы, не способна интегрировать вокруг себя иранскую диаспору в США, ограничена в ресурсах и сталкивается с крупным противником в лице израильских организаций, что не способствует налаживанию диалога между США и Ираном.

Список литературы

1. В Иране после победы Трампа заявили о фронте зла и природе Сатаны // РБК. 2024. 14 ноября. URL: <https://www.rbc.ru/politics/14/11/2024/6735efb09a7947cbc2319aa2>.
2. *Abdolmohammadi P., Cama G.* Contemporary Domestic and Foreign Policies of Iran. Palgrave Macmillan, 2020. 268 p.
3. *Abrahamian E.* A History of Modern Iran. Cambridge University Press, 2018. 268 p.
4. *Amanat A.* Iran: A Modern History. Yale University Press, 2017. 1008 p.
5. An Act // Congress.gov. URL: <https://www.congress.gov/118/bills/hr815/BILLS-118hr815enr.pdf>.
6. *Avery P., Hambly G., Melville C.* The Cambridge History of Iran. Vol. 7. Cambridge University Press, 2008. 1096 p.
7. *Axworthy M.* A History of Iran. Basic Books, 2016. 384 p.
8. *Azizi H.* Iran's Evolving Foreign Policy Structure // MECSA. 2024. June 5. URL: <https://mecouncil.org/publication/irans-evolving-foreign-policy-structure-implications-on-foreign-relations/>.
9. *Banai H., Byrne M., Tirman J.* Republics of Myth. Johns Hopkins University Press, 2022. 432 p.
10. *Bazoobandi S.* The New Regional Order in the Middle East. Palgrave Macmillan, 2020. 154 p.
11. *Beeman W.* The Great Satan vs. the Mad Mullahs. University of Chicago Press, 2008. 320 p.
12. *Bob Y., Eyyatar I.* Target Tehran. Simon & Schuster, 2023. 368 p.
13. *Burns W., Sullivan J.* It's Time to Talk to Iran // NYT. 2019. October 14. URL: <https://www.nytimes.com/2019/10/14/opinion/iran-nuclear-deal.html>.
14. *Byrne M., Byrne K.* Worlds Apart. Cambridge University Press, 2021. 342 p.
15. *Crist D.* The Twilight War. Penguin Publishing Group, 2013. 672 p.
16. *Curtis G., Hooglund E.* Iran: a country study. Library of Congress, 2008. 402 p.
17. Fact Sheet // The White House. 2025. February 4. URL: <https://www.whitehouse.gov/fact-sheets/2025/02/fact-sheet-president-donald-j-trump-restores-maximum-pressure-on-iran/>.
18. *Fathollah-Nejad A.* Iran in an Emerging New World Order. Palgrave Macmillan, 2021. 490 p.
19. *Ferragamo M., Robinson K.* U. S. Relations With Iran // CFR. 2026. March 2. URL: <https://www.cfr.org/articles/us-relations-iran>.
20. *Ghazvinian J.* America and Iran. Knopf, 2021. 688 p.
21. *Heidegger M.* Introduction to Metaphysics. Yale University Press, 2000. 254 p.
22. Iran: Background and U.S. Policy // Congress.gov. URL: <https://www.congress.gov/crs-product/R47321>.

23. Iran's War With Israel and the United States // CFR. 2026. April 16. URL: <https://www.cfr.org/global-conflict-tracker/conflict/confrontation-between-united-states-and-iran>.
24. Kazemzadeh M. Iran's Foreign Policy. Routledge, 2020. 130 p.
25. Kendall-Taylor A., Fontaine R. The Axis of Upheaval // Foreign Affairs. 2024. April 23. URL: <https://www.foreignaffairs.com/china/axis-upheaval-russia-iran-north-korea-taylor-fontaine>.
26. Laclau E., Mouffe C. Hegemony and Socialist Strategy. Verso, 2001. 240 p.
27. Larison D. Why the US and Iran hate each other // Responsible Statecraft. 2022. May 2. Available at: <https://responsiblestatecraft.org/2022/05/02/why-the-us-and-iran-hate-each-other/>.
28. Larsen F. Antagonism and Fear // HIR. 2021. June 10. URL: <https://hir.harvard.edu/the-uphill-battle-towards-iranian-nuclear-disengagement/>.
29. Leverett F., Leverett H. Going to Tehran. Metropolitan Books, 2013. 496 p.
30. Limbert J. Negotiating with Iran. United States Institute of Peace Press, 2009. 200 p.
31. Mearsheimer J., Walt S. The Israel Lobby and U. S. Foreign Policy. Farrar, Straus and Giroux, 2008. 496 p.
32. National Security Presidential Memorandum/NSPM-2 // The White House. 2025. February 4. URL: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2025/02/national-security-presidential-memorandum-nspm-2/>.
33. National Security Strategy. The White House. December 2017.
34. National Security Strategy. The White House. November 2025.
35. National Security Strategy. The White House. October 2022.
36. Pollack K. The Persian Puzzle. Random House, 2004. 576 p.
37. President Donald J. Trump's New Strategy on Iran. 2017. October 13. URL: https://static.c-spanvideo.org/files/pressCenter/White_House_Strategy_on_Iran.pdf.
38. Ravanchi M. The U. S. policy of maximum pressure against Iran has failed // WP. 2019. May 24. URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/global-opinions/the-us-policy-of-maximum-pressure-against-iran-has-failed/2019/05/24/1db2f7b8-7e61-11e9-8ede-f4abf521ef17_story.html.
39. Ravid B. Scoop // Axios. 2025. March 19. URL: <https://www.axios.com/2025/03/19/trump-letter-iran-nuclear-deal>.
40. Remarks by President Trump on Iran Strategy. 2017. October 13. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-iran-strategy/>.
41. Rubin M. Why the New "NIAC Action" Iran Lobby Will Fail // Commentary. 2015. July 2. URL: <https://www.commentary.org/michael-rubin/iran-lobby/>.
42. Schmitt C. The Concept of the Political. The University of Chicago Press, 2007. 126 p.
43. Schneider Malamud J. The Iran Enablers // EMET. 2024. August 26. URL: <https://emetonline.org/re-source/the-iran-enablers-tehrans-network-in-america/>.
44. Shahrooz K. In all but Name // Hoover Institution. 2023. December 5. URL: <https://www.hoover.org/research/all-name-iranian-regimes-de-facto-lobby-west>.
45. Simon S. Grand Delusion. Penguin Press, 2023. 496 p.
46. Simpson K. U. S. Nuclear Diplomacy with Iran. Rowman & Littlefield, 2015. 202 p.
47. Smith L. Meet the Iran Lobby // Hudson Institute. 2015. September 1. URL: <https://www.hudson.org/national-security-defense/meet-the-iran-lobby>.
48. Stern M. The Mullahs' Minions // MEF. 2022. April 29. URL: <https://www.meforum.org/the-mullahs-minions-exposing-the-iran-lobby-in>.
49. Tirman J., Maleki A. U.S.-Iran Misperceptions. Bloomsbury Publishing, 2014. 176 p.
50. Vatanka A. The Battle of the Ayatollahs in Iran. I. B. Tauris, 2021. 264 p.

Existential Antagonism: Contradictions in US-Iran Relations at the Current Stage

Kochegurov Dmitry Aleksandrovich¹, Gasanov Kamran Nizami ogly²

¹PhD in Political Science, senior researcher, Institute for the U.S. and Canadian Studies n. a. Academician G. A. Arbatov, Russian Academy of Sciences. Russia, Moscow. AuthorID: 1033347.

ORCID: 0000-0003-4955-033X. E-mail: d.kochegurov@iskran.ru

²PhD in Political Science, senior lecturer, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia. Russia, Moscow. ORCID: 0000-0002-9338-5856. E-mail: gasanov-kn@rudn.ru

Abstract. In January 2025, the WEF presented its "Global Risks Report", in which a potential armed conflict in the Middle East between the USA and Iran was named as one of the main threats. In February, shortly after his inauguration, US President D. Trump signed an executive order restoring the policy of maximum pressure on Iran. During his trip to the Middle East in May, D. Trump called Iran the most "destructive force" in the region. Relations deteriorated even further after the Iranian authorities threatened to attack the bases of the

USA and its allies in the Middle East if the USA intervened in the "Twelve-Day War", after which, on June 22, the USA joined the conflict on the side of Israel and delivered a series of missile and bomb strikes against Iranian nuclear-programme facilities. D. Trump became the first US president to openly join Israel in an attack on an adversary. On February 28, 2026, the war of the USA and Israel against Iran began, also known as Operation Epic Fury. In this connection, the authors ask the question: is the mutual antagonism of the two states surmountable? Shedding light on the historical dynamics of these difficult relations, the authors see the essence of the work as tracing the origins and driving factors of the mutual antagonism of the USA and Iran. In analyzing the perception of Iran through the prism of strategic documents and acts, the presence of an anti-Iranian consensus in the USA at the level of the legislative branch and of the White House is taken into account. The reasons for the absence of a strong pro-Iranian lobby are identified.

Keywords: antagonism, the Middle East, D. Trump, Iran, the USA.

References

1. *V Irane posle pobedy Trampa zayavili o fronte zla i prirode Satany* [After Trump's Victory, Iran Spoke of a Front of Evil and the Nature of Satan] // *RBK – RBC*. 2024. November 14. Available at: <https://www.rbc.ru/politics/14/11/2024/6735efb09a7947cbc2319aa2>.
2. *Abdolmohammadi P., Cama G.* Contemporary Domestic and Foreign Policies of Iran. Palgrave Macmillan, 2020. 268 p.
3. *Abrahamian E.* A History of Modern Iran. Cambridge University Press, 2018. 268 p.
4. *Amanat A.* Iran: A Modern History. Yale University Press, 2017. 1008 p.
5. An Act // Congress.gov. Available at: <https://www.congress.gov/118/bills/hr815/BILLS-118hr815enr.pdf>.
6. *Avery P., Hambly G., Melville C.* The Cambridge History of Iran. Vol. 7. Cambridge University Press, 2008. 1096 p.
7. *Axworthy M.* A History of Iran. Basic Books, 2016. 384 p.
8. *Azizi H.* Iran's Evolving Foreign Policy Structure // *MECGA*. 2024. June 5. Available at: <https://mecouncil.org/publication/irans-evolving-foreign-policy-structure-implications-on-foreign-relations/>.
9. *Banai H., Byrne M., Tirman J.* Republics of Myth. Johns Hopkins University Press, 2022. 432 p.
10. *Bazoobandi S.* The New Regional Order in the Middle East. Palgrave Macmillan, 2020. 154 p.
11. *Beeman W.* The Great Satan vs. the Mad Mullahs. University of Chicago Press, 2008. 320 p.
12. *Bob Y., Evyatar I.* Target Tehran. Simon & Schuster, 2023. 368 p.
13. *Burns W., Sullivan J.* It's Time to Talk to Iran // *NYT*. 2019. October 14. Available at: <https://www.nytimes.com/2019/10/14/opinion/iran-nuclear-deal.html>.
14. *Byrne M., Byrne K.* Worlds Apart. Cambridge University Press, 2021. 342 p.
15. *Crist D.* The Twilight War. Penguin Publishing Group, 2013. 672 p.
16. *Curtis G., Hooglund E.* Iran: A Country Study. Library of Congress, 2008. 402 p.
17. Fact Sheet // The White House. 2025. February 4. Available at: <https://www.whitehouse.gov/fact-sheets/2025/02/fact-sheet-president-donald-j-trump-restores-maximum-pressure-on-iran/>.
18. *Fathollah-Nejad A.* Iran in an Emerging New World Order. Palgrave Macmillan, 2021. 490 p.
19. *Ferragamo M., Robinson K.* U. S. Relations with Iran // *CFR*. 2026. March 2. Available at: <https://www.cfr.org/articles/us-relations-iran>.
20. *Ghazvinian J.* America and Iran. Knopf, 2021. 688 p.
21. *Heidegger M.* Introduction to Metaphysics. Yale University Press, 2000. 254 p.
22. Iran: Background and U. S. Policy // Congress.gov. Available at: <https://www.congress.gov/crs-product/R47321>.
23. Iran's War with Israel and the United States // *CFR*. 2026. April 16. Available at: <https://www.cfr.org/global-conflict-tracker/conflict/confrontation-between-united-states-and-iran>.
24. *Kazemzadeh M.* Iran's Foreign Policy. Routledge, 2020. 130 p.
25. *Kendall-Taylor A., Fontaine R.* The Axis of Upheaval // *Foreign Affairs*. 2024. April 23. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/china/axis-upheaval-russia-iran-north-korea-taylor-fontaine>.
26. *Laclau E., Mouffe C.* Hegemony and Socialist Strategy. Verso, 2001. 240 p.
27. *Larison D.* Why the US and Iran Hate Each Other // *Responsible Statecraft*. 2022. May 2. Available at: <https://responsiblestatecraft.org/2022/05/02/why-the-us-and-iran-hate-each-other/>.
28. *Larsen F.* Antagonism and Fear // *HIR*. 2021. June 10. Available at: <https://hir.harvard.edu/the-uphill-battle-towards-iranian-nuclear-disengagement/>.
29. *Leverett F., Leverett H.* Going to Tehran. Metropolitan Books, 2013. 496 p.
30. *Limbert J.* Negotiating with Iran. United States Institute of Peace Press, 2009. 200 p.
31. *Mearsheimer J., Walt S.* The Israel Lobby and U. S. Foreign Policy. Farrar, Straus and Giroux, 2008. 496 p.
32. National Security Presidential Memorandum/NSPM-2 // The White House. 2025. February 4. Available at: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2025/02/national-security-presidential-memorandum-nspm-2/>.
33. National Security Strategy. The White House. December 2017.
34. National Security Strategy. The White House. November 2025.
35. National Security Strategy. The White House. October 2022.

36. Pollack K. The Persian Puzzle. Random House, 2004. 576 p.
37. President Donald J. Trump's New Strategy on Iran. 2017. October 13. Available at: https://static.spanvideo.org/files/pressCenter/White_House_Strategy_on_Iran.pdf.
38. Ravanchi M. The U. S. Policy of Maximum Pressure against Iran Has Failed // WP. 2019. May 24. Available at: https://www.washingtonpost.com/opinions/global-opinions/the-us-policy-of-maximum-pressure-against-iran-has-failed/2019/05/24/1db2f7b8-7e61-11e9-8ede-f4abf521ef17_story.html.
39. Ravid B. Scoop // Axios. 2025. March 19. Available at: <https://www.axios.com/2025/03/19/trump-letter-iran-nuclear-deal>.
40. Remarks by President Trump on Iran Strategy. 2017. October 13. Available at: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-iran-strategy/>.
41. Rubin M. Why the New "NIAC Action" Iran Lobby Will Fail // Commentary. 2015. July 2. Available at: <https://www.commentary.org/michael-rubin/iran-lobby/>.
42. Schmitt C. The Concept of the Political. The University of Chicago Press, 2007. 126 p.
43. Schneider Malamud J. The Iran Enablers // EMET. 2024. August 26. Available at: <https://emetonline.org/resource/the-iran-enablers-tehrans-network-in-america/>.
44. Shahrooz K. In All but Name // Hoover Institution. 2023. December 5. Available at: <https://www.hoover.org/research/all-name-iranian-regimes-de-facto-lobby-west>.
45. Simon S. Grand Delusion. Penguin Press, 2023. 496 p.
46. Simpson K. U. S. Nuclear Diplomacy with Iran. Rowman & Littlefield, 2015. 202 p.
47. Smith L. Meet the Iran Lobby // Hudson Institute. 2015. September 1. Available at: <https://www.hudson.org/national-security-defense/meet-the-iran-lobby>.
48. Stern M. The Mullahs' Minions // MEF. 2022. April 29. Available at: <https://www.meforum.org/the-mullahs-minions-exposing-the-iran-lobby-in>.
49. Tirman J., Maleki A. U.S.-Iran Misperceptions. Bloomsbury Publishing, 2014. 176 p.
50. Vatanka A. The Battle of the Ayatollahs in Iran. I. B. Tauris, 2021. 264 p.

Поступила в редакцию: 20.04.2026

Принята к публикации: 02.06.2026